

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК НА ГРАНИЦАХ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

The Modern Legal Order at the Boundaries of Private and Public Law

Николай Викторович Разуваев,
главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция»,
заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ
РАНХиГС, доктор юридических наук

(ЕГПНИ), новый научометрический показатель, призванный систематизировать издаваемые в России журналы, дифференцировав их по степени значимости и месту, занимаемому среди научных изданий.

Идея создания ЕГПНИ возникла в последние годы в качестве ответа на предпринимаемые за рубежом попытки принудительно отрешить российских ученых, в том числе ученых-юристов, от международного исследовательского сотрудничества, ведущую роль в котором они всегда играли. Невзирая на заведомую безуспешность подобных попыток, ибо дух, как известно, «дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3:8), приходится констатировать, что они стали очередным шагом на пути возведения искусственных барьеров, разделивших людей, в данном случае людей науки, которым довелось жить в нашу и без того разобщенную эпоху. Невольно встает вопрос, об этом ли думалось всего десять-пятнадцать лет назад, когда строились оптимистические сценарии будущего постсовременного человечества, мыслившегося единым в своем многообразии?¹

Но нет худа без добра, и ситуация разделения научной общественности, о которой идет речь, стала вызовом, способствовавшим внутренней консолидации отечественной гуманитарии, ее сосредоточению на темах и проблематике, которые традиционно находились в центре внимания ее лучших представителей (таких, прежде всего, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, М. М. Бахтин, С. С. Аверинцев, Ю. М. Лотман). Нет никакого сомнения в том, что исследования этих и многих других авторов, чей список можно продолжать до бесконечности, придадут новый импульс развитию правовой мысли в ближайшие десятилетия, указав выход из ситуации пагубной зависимости от

© Разуваев Н. В., 2025
© Razuvayev N. V., 2025

¹ Относительно единства в многообразии хочется заметить, что данная характеристика, примененная к всемирно-историческому процессу в качестве условной цели, определяющей его закономерности и общую направленность, оказалась более универсальной, чем я изначально предполагал, на что обратил внимание А. В. Поляков в своей весьма содержательной статье, опубликованной в предыдущем номере журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», посвященном актуальным проблемам постклассической теории и философии права. См.: Поляков А. В. Современные правовые исследования: единство в многообразии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 7–10. EDN: NAYLAC

западных интеллектуальных стандартов, переживающих в настоящее время очевидный кризис. Ярким подтверждением последнего обстоятельства стал поток однотипных и поверхностных текстов, заполонивших страницы иноязычных журналов и создавших ту научную конъюнктуру, в чьи узкие рамки никак не вписывается российская наука (при всех поистине титанических усилиях, прилагавшихся на протяжении десятилетий ее отнюдь не худшими представителями), что и стало причиной вопиющего к ней небрежения со стороны так называемого цивилизованного мира.

Теперь становится ясным, что пришло наконец время вернуться к развитию того исторического наследия, которое составляет идеиную основу российской научной мысли, предопределяя ее уникальный духовный облик и цивилизационную специфику. Необходимым шагом в указанном направлении как раз и становится создание единого перечня научных изданий, который должен создать институциональные предпосылки для накопления и приумножения знаний, в том числе знаний юридических. Создание Единого государственного перечня научных изданий призвано послужить надежным критерием отбора всего лучшего, что есть в отечественной периодике, отделив его от безбрежного моря различного рода «мусорных» изданий, и включение «Теоретической и прикладной юриспруденции» в этот перечень является признанием несомненного качества журнала и его исследовательских заслуг.

С данным событием, заслуживающим особого упоминания, совпало по времени и проведение Седьмых Баскинских чтений, тема которых как нельзя лучше соответствует одной из наиболее актуальных тенденций в развитии современного правопорядка, наметившихся в последнее время. Речь идет о взаимодействии публичного и частного права, их взаимовлиянии и взаимопроникновении, которые происходили на протяжении всей второй половины прошлого века, но стали особенно заметными в первые десятилетия нынешнего столетия. В этом смысле оно выступает и диалектическим развитием, и одновременно своеобразной логической антитезой минувшему столетию, что вообще характерно для хода истории, в том числе истории правовой. Последнее обстоятельство, уже применительно к XIX в., отмечал Н. Я. Эйдельман, соотносивший в своей образной яркой манере «век нынешний (девятнадцатый)» с «веком минувшим», то есть с восемнадцатым уже веком². Представляется далеко не случайным, что соответствующая проблематика, как в историческом, так и в юридико-догматическом ее аспектах, стала предметом обсуждения в рамках очередных Баскинских чтений.

Именно в работах Ю. Я. Баскина были глубоко и всесторонне исследованы основные закономерности эволюции права и политico-правовой мысли на огромном отрезке времени — от поздней Античности, когда создавалась юридическая доктрина Отцов христианской церкви, до Нового времени, когда окончательно сложились черты современных национальных и международного правопорядков³. Вслед за такими своими выдающимися современниками, как М. Фуко и М. К. Мамардашвили⁴, работавшими с общим историко-культурным материалом, Юрий Яковлевич на материале юридическом наглядно продемонстрировал неразрывную связь между так называемым объективным правом как упорядоченной совокупностью институтов и норм, с одной стороны, и системой представлений о праве, формируемых в контексте правового мышления и правового познания — с другой.

В итоге получила развернутое обоснование идея, согласно которой в основе любых трансформаций правового порядка и юридического мышления в широкой исторической ретроспективе лежит смена «исторических априори» (пользуясь терминами М. Фуко), которые разными исследователями именуются по-разному: «парадигмами», «эпистемами» или «типами рациональности». Именно эти базовые для человеческого мышления, в том числе мышления правового, категории предопределяют эволюцию правового порядка в масштабах долгого времени, обусловливая те хорошо известные особенности, которые отличают античное и средневековое право (например, римское право, являющееся наиболее характерным примером данного исторического типа) от правовых систем классического модерна, а их, в свою

² См.: Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1986.

³ См. подробнее: Лебедев К. К. Значение трудов профессора Ю. Я. Баскина для развития юридической науки в России // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4 (14). С. 92. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-4-90-96. EDN: FZFRNQ

⁴ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-cad, 1994; Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеал рациональности // Мамардашвили М. К. Необходимость себя: лекции, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. С. 229–249.

очередь, от современных правопорядков, развивающихся в тесной связке с международным правом, изучению которого посвятил многие годы своей творческой деятельности Ю. Я. Баскин⁵.

Приходится, однако, признать, что, несмотря на все приложенные усилия, эти «исторические априори», равно как и их динамика, по-прежнему остаются загадкой. В частности, вызывает известные сомнения их трактовка в качестве типов рациональности, получившая широкое распространение в отечественной науке. В самом деле данное понятие, с одной стороны, представляется предпочтительным в сравнении с другими категориями (такими как «парадигмы», «эпистемы» и прочими), поскольку, будучи свободным от не проясненных философских предпосылок, оно является интуитивно и рефлексивно наглядным, а потому наиболее пригодным для того, чтобы составлять теоретико-методологический фундамент специальных научных исследований. С другой стороны, акцент на рациональности мышления в значительной степени ограничивает восприятие как самого этого последнего, так и производных от него социальных порядков, и правовые порядки здесь исключения не составляют.

В самом деле, представлять себе правопознание как единственно и исключительно рациональную работу — значит по-прежнему находиться в пленах у изжившей себя идеологии Просвещения с ее либеральными мифами, представляющими умственное, духовное развитие человечества в качестве поступательного освобождения мышления от иррациональных его элементов и восхождения к торжеству разума во всех сферах действительности. Между тем исторический опыт свидетельствует как об ограниченной эффективности разума, так и о неустранимости иррационального, особенно явно проявляющего себя в аксиологии, образующей фундамент правовой реальности⁶. Правовые ценности (прежде всего справедливость, свобода, гуманизм, милосердие, ответственность и иные традиционные духовно-нравственные ценности) опосредствуются и преломляются не только разумом, оказывая на поведение людей мощное эмоциональное воздействие, без чего немыслимы их регулятивное и воспитательное значение⁷.

Соответственно, и конструирование правовой реальности осуществляется не только интеллектуальными (понятийными) средствами, но и с помощью образов, в том числе образов художественных. Вот почему проблема взаимодействия права и литературы, проблема, по-настоящему еще даже и не поставленная, становится все более актуальной, например, в связи с правовой наукой, в которой вполне уместно видеть один из жанров литературного художественного творчества. Именно благодаря тому обстоятельству, что все правопорядки имеют ценностную основу, глубоко укорененную в мире эмоциональных переживаний и чувственных образов, становится возможной их историческая преемственность в рамках правовых традиций.

Причем, как показали исследования современных компаративистов (в частности, К. Цвайгерта и Х. Кетца), каждая правовая традиция обладает совокупностью уникальных особенностей, которую с достаточным на то основанием можно назвать стилем соответствующей традиции. По словам Цвайгерта и Кетца, «определенный стиль имеют как семья, так и отдельные правовые системы. В сравнительно-правовом исследовании надо стремиться к тому, чтобы научиться распознавать правовые стили и определять правовые семьи и входящие в них отдельные правопорядки в соответствии с индивидуализирующими элементами стиля, другими факторами, отражающими стилевые особенности правовой семьи или правопорядка»⁸. Как известно, важной стилевой особенностью той правовой традиции или, говоря шире, особенностью культурной традиции, поскольку право является важным компонентом духовной и материальной культуры, к которой принадлежит и российская правовая система, принято считать дихотомию частного и публичного права.

⁵ См., например: Баскин Ю. Я. Новый Завет и становление нового международного права // Управленческое консультирование. 2006. № 4 (24). С. 155–168. EDN: KXTFZH

⁶ В этой связи представляется совершенно справедливым проницательное замечание американского социолога Н. Смелзера, писавшего о «неукротимости примордialного в обществе» (Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С. 13).

⁷ См. подробнее: Поляков А. В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Конституция и общественный прогресс: материалы международ. научно-практич. конференции / Отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковская. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. EDN: GFBDRW

⁸ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I. Основы. М.: Международные отношения, 2000. С. 108.

Есть основания предполагать, что указанная дихотомия характеризует не только западную (романо-германскую) ветвь данной правовой традиции, восходящую своими истоками к римскому праву, но и восточную ее ветвь, обладающую исторической преемственностью с византийским правом, цивилизационно связанным с римским, а также с древнегреческим и с ближневосточным правом, входившими в культурный ареал Римской (а затем и Византийской) империи⁹. Однако констатация указанного обстоятельства представляется явно недостаточной, ибо в разные исторические периоды и в различных правопорядках не только по-разному прокладывались границы между публичным и частным, но и сами эти категории воспринимались принципиально различным образом, в зависимости от особенностей социального и культурного контекста эпохи и не в последнюю очередь в зависимости от господствующего типа рациональности.

Так, рассматривая правопорядок античного Рима, нетрудно заметить, что содержательно римское частное право далеко не тождественно современному частному праву, выделяемому, в том числе на доктринальном уровне, по признаку обособления от права публичного и противопоставления ему. Вместе с тем нельзя не заметить, что такое противопоставление, имеющее не столько юридический, сколько формально-логический характер, является продуктом весьма поздним, проложившим себе дорогу лишь в Новое время, когда окончательно восторжествовала классическая рациональность с ее ориентацией на естественные науки и функционирование изучаемых ими механических систем¹⁰. Между тем для исторически аутентичного римского права, а не для его абстрактно-невременной версии, сконструированной Савини и другими германскими юристами первой половины XIX столетия (*des heutigen römischen Rechts*), характерно скорее внутреннее сущностное единство частного и публичного права. Последнее виделось римским юристам как особая сфера частного права, имеющая своим предметом отношения с участием римского государства, которое, в свою очередь, обладало историческим своеобразием и представляло собой коллектив частных лиц. В этом сущностном единстве частного и публичного нельзя не заметить проявления доклассического правового мышления, характеризующегося синкретизмом эмоционально-образных и понятийных элементов.

В наши дни снова изменяются границы, отделяющие частное и публичное, и формируется новый синтез, обеспечивающий диалектическое единство частноправовых и публично-правовых компонентов правопорядка. Разумеется, даже в силу своего профессионального кредо мне весьма трудно было бы утверждать, что это единство означает полное и безоговорочное господство публичного права, приводящее к ликвидации частного права как такового. На мой взгляд, ситуация обстоит сложнее и опять-таки «диалектичнее». Речь идет не о стирании границ, но о движении правопорядка и правового мышления поверх этих границ, «на их стыках и пересечениях», что, собственно, и является характерной особенностью постклассической рациональности, на которую обращал внимание М. М. Бахтин¹¹. Полагаю, что это движение российского правопорядка на границах частного и публичного (и поверх этих границ) станет основной тенденцией его развития в нашей стране на ближайшую, а возможно, и на более отдаленную перспективу. Хотелось бы также надеяться на то, что оно получит всестороннее рассмотрение на страницах журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция» в следующем году.

⁹ См. подробнее об этом: Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л.: Наука, 1976. 300 с.

¹⁰ См.: Степин В. С. Классика, постклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб.: Издат. дом «Миръ», 2011. С. 252.

¹¹ Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. С. 307.